

▼ Память хранит

Евгения ЕВАНГУЛОВА.

Крестный путь

(Продолжение. Начало в №6 от 16.02.2017 г.).

Остался ещё в памяти «санпропускник», куда нас, прибывавших блокадников, переправляли непосредственно с поездов – кого под руки, кого на носилках. Там нас раздевали, причём, отёкшие ноги напоминали брёвна. С меня еле стянули даже мои непомерно большие валенки. Здесь тоже, в процессе мытья, были случаи смерти.

Виктора сразу же поместили в стационар, где я, как только сама встала на ноги, ежедневно его навещала. Увы, врач сказал, что его хроническая болезнь приняла открытую форму туберкулёза и надежд на спасение мало. Он тяжело дышал, температурил, впрочем, как и почти все, но в разговоре со мной он время от времени повторял: «Женя, неужели я умру?..» Ему ведь не было ещё и 35 лет.

Между тем, по мере приобретения нами нормального облика и внутреннего состояния духа, вставал вопрос – что делать дальше? Куда следовать?

Оказавшись в среде студентов и преподавателей Текстильного института, по чьей путёвке я эвакуировалась, и чтобы не повиснуть в воздухе, я приняла предложение ректората о зачислении меня на 3-й курс института, о чём записано в дневнике 8 апреля 1942 г., как и о дальнейшем продвижении Ленинградского Текстильного института на Северный Кавказ. В Пятигорск почему-то были эвакуированы несколько Ленинградских институтов – прямиком «под немца».

Однако судьба распорядилась иначе. Ещё находясь в Ленинграде, я получила от Миши Згута, пока не замкнулось блокадное кольцо, несколько писем, где сообщался его адрес (из Йошкар-Олы, куда эвакуировалась из Ленинграда Военно-воздушная академия, в которую он был мобилизован).

Кроме оповещения своих родных в Москве и Ленинграде, я в марте написала и Мише о своём местонахождении. И вот, накануне отъезда из Иваново, мне пришла от него телеграмма-молния с вызовом и даже с приложением денег. Тем временем у железнодорожного начальства выявились сомнения по поводу маршрута нашего «товарняка»: либо следовать через сортировочную некую станцию Новки, либо на юг, через города Муром и Арзамас. В последнем случае, при желании попасть в Йошкар-Олу (центр Марийской республики), надо было в Арзамасе пересесть на поезд, следующий до Казани, а там рукой подать до пункта назначения. Тогда я решила опереться на промысел Божий – если наш состав пойдёт через Арзамас, то там отделиться и поеду к Мише. Так оно и получилось. А вокруг уже торжествовала весна, и просыпались мы под яркими лучами солнца, бившими в открытые двери наших пульмановских товарных вагонов. В пути студентки (мальчиков, естественно, почти не было) быстро сдружились, так что мне жаль их было покидать.

Таким образом, «...волею судеб я очутилась 17 апреля 1942 года в Йошкар-Оле у Миши...» – значится в дневнике.

Мучило и тревожило, что дядя Миша оставался в очень тяжёлом состоянии, заболел некоторое время тому назад воспалением лёгких. Только в середине апреля 1942 года с письмом, отправленным родными из Ленинграда 23 марта 1942 года, меня достигла скорбная весть о смерти Михаила Георгиевича – 15 февраля 1942 года, т.е. через три дня после моего отъезда из Ленинграда.

В том же письме сообщалось: «Здесь жизнь немного улучшилась. Город оживает, хотя питание улучшается с трудом. По-прежнему адски хочется есть. Насчёт выезда колеблемся, т.к. не знаем, что и где лучше».

Если есть желание, пиши... Юлька продолжает работать в госпитале, появился Павлик (плакал всю ночь...), твоей маме послали новый твой адрес».

Далее остановлюсь на наиболее существенных моментах как лично для меня, так и для общего колорита продолжающейся военной страды. Так, например, дата – 29 июня 1942 года – обведена рамкой и текст:

«Знаменательная дата – я зарегистрировалась с Мишей в ЗАГСе. Делать мне было больше нечего. Сил бороться с жизнью одной уже нет...».

Словом, «... для бедной Тани все были жребии равны».

«19 июля 1942 г. Мы, наконец, переехали в отдельную «комнату», вернее, конуру в 4 м², в которой сейчас и сижу, на ул. К. Маркса, № 97».

Передо мной крохотное окошечко, в рамке которого моему взору представляется печальная картина. Прежде всего, идёт беспросветный дождь (ленинградский), небо непроницаемо, хмуро-серое, земля коричневая, вся в лужах и глянцевитая; навес, типичный для деревенского двора, весь вымытый. Под ним белые куры, среди которых клуша с грязно-белыми вихрастыми от воды цыплятами, жмутся и переступают грустно с лапки на лапку. Здесь же маленькая рыжая сучка со страдальческой острой мордочкой, подбирает крошки, насыпанные курам, за что непрерывно получает щипки и удары клювом от хорохорящейся и возмущённой наседки. Вид у Изольды (так поэтично зовётся собачка) довольно жалкий с мокрым поджатым хвостом, безнадежно опущенными ушами и брезгливо и осторожно ступающими по воде лапками. Издали доносится монотонный мужской хор на два голоса, тянущий бесконечную, тоскливую и пьяную песню.

Миша на дежурстве. Перед глазами порой всплывает Ленинград, от воспоминания о котором меня пронизывает дрожь и по коже бегают мурашки. Теперь, как только я начинаю чувствовать голод, мне хочется плакать, и я ни о чём больше не в состоянии думать. И всё же иногда появляется безумная жажда мало-мальски нормальных условий жизни. Неужели нам их больше не видать?!

На фронте дела отвратительны: сдан Севастополь, ожесточённые бои в районе Воронежа, сдано Миллерово, что будет дальше – непонятно.

Неожиданных 2-3 дня светлого настроения, посетившего нас после переезда на новую «квартиру», слишком мизерное количество на год, не разглаживающее скорбных морщинок, упорно накапливающихся на моей физиономии. Ещё один совершенно бессмысленно канувший в вечность день. Никаких перспектив, никаких целей – впереди непроницаемая тьма, одни далёкие воспоминания тешат душу, да и то только за пределами последних пяти лет, которые, наоборот, кажутся кошмаром.

Через неделю, между прочим, выхожу на работу в некое «Дорожное управление», куда меня приняли в качестве чертёжницы и переводчицы с английского (институтские познания) и немецкого (домашне-школьные навыки). Может быть, принесу пользу обществу, себе и Мише.

Недавно от Сусанны из Котельнича получила письмо от 20 мая: «Получила твоё письмо, и, наконец-то, мы узнали, где ты... Здесь сейчас собрались: мама, Гоша, Муся, Тата, Яша (муж Таточки). Яша - инвалид, отпущен на 6 мес. и может ехать, куда угодно. Гоша очень разболелся, лежит в больнице, в туберкулёзном отд., всё время 39°, обнаружены палочки, мы все очень расстроены... Самым большим горем для нас является то, что нашего дорогого папы нет с нами и никогда не будет, до сих пор не могу привыкнуть к этой мысли».

Юля осталась в Ленинграде, она вышла замуж за некоего Сашу, политрука... О Викторе ничего не знаем. Пиши подробнее о себе. Наши все шлют тебе большой привет. Целую тебя. Привет Мише. Сусанна».

Вскоре удалось разыскать местонахождение Виктора, а потом пришла горестная весть о его смерти. Письма о дальнейшем развитии событий в жизни моих родных, как московских (дедушки с бабушкой и др.), так в Котельниче и Ленинграде, начали достигать меня только с октября 1942 года и в феврале-марте 1943 года. На них остановлюсь позже, в соответствии с хронологией дневника, а пока о продолжавшейся моей жизни.

«22 октября 1942 г. Всё та же четырёхметровая комнатуха (зимняя берлога, где надлежит мне прососать лапу эту зиму). Всё тот же прямоугольник окошечка, в который теперь вижу крайне меланхолично пережёвывающую сено лошадь и, почему-то весёлую, свинью. Со времени последней записи со мной произошла очередная передышка: с 1-го августа я была отправлена вместе с коллективом управления на 3 месяца работать в колхоз за 120 км отсюда».

Здесь прервусь для воспоминания о том, как в этом крохотном заведении (Дорожном управлении) работали несколько ссыльных совсем молодых полячек; оторванных от родителей и семей, сосланных в другие места, сдуру перебежавших в СССР в начале 2-й мировой войны в 1939 году, – стоило послушать, как они безбоязненно проклинали советскую власть. Особенно мне запомнилась черноглазая миловидная Короля, работавшая уборщицей, дочь теперь уже бывшего мелкого обувного фабриканта. Она часто делилась со мной своим несчастьем: все её попытки найти на наших просторах своих родных и связаться с ними были, естественно, безнадежными. Итак:

«Покорившись безмолвно своей прихотливой судьбе, я там (в колхозе) пробыла два с половиной месяца. Сначала это было нечто жутко-невообразимое, например, чего стоило на третий же день оказаться на грани отсечения серпом трёх пальцев, когда нас послали на жатву. К счастью, председатель нас двух самых молодых тут же перевёл на другие работы».

Но затем я свыклась и познала целую область сельскохозяйственных наук. Рожь, лён, овёс, конопля, картофель, горох и греча – и сейчас ещё мелькают перед моим, на сей раз крайне богато удовлетворённым (накормленным), воображением. Надо отдать должное, что я в этих самых Колонурцах (деревня в Сернурском районе Марийской республики) физически окрепла и поправилась, по свидетельству многих, т.к. кормили нас там неплохо».

Некоторая курьёзная добавка по памяти. Первые по приезде в деревню несколько дней мы спали на сеновале, но ночи стали холодные, и нас распределили по избам. Разъединение – объединение женщины осуществляли сами (мужчин, конечно, не было). Я, например, сблизилась с Люсей Канцлержевской – с девушкой чуть младше меня из очень приятной интеллигентной семьи, знакомой ещё по городу. К нам примкнули ещё три молоденькие женщины. Так вот, когда в 5 часов по утрам председатель будил «городских», стуча молотком в ворота с призывом: «Девки, лён колотить!», и т.п., то у наших ворот он взывал: «Маккавей, рожь молотить!», что сеяло в нас недоумение – почему маккавей? Позже в библейском справочнике я вычитала о семействе Маккавеев в древней Иудее (167 г. до Р.Х.). Всё встало на свои места: поскольку наша группа отличалась от прочих своим особо «не крестьянским» видом (трое из нас были с очками на носу, интеллигентная речь), местных хозяев нас с ходу зачислил в евреи, хотя, по иронии, все мы оказались русскими. Осталось тайной, откуда он извлёк это историческое наименование.

И ещё одно воспоминание кое о чём мистическом, оставившем глубокую зарубку в памяти, но не отмеченном в дневнике.

Однажды в середине августа, когда мы с Люсей спали на полу в приютившей нас избе, я вдруг очнулась ото сна среди глухой ночи как бы от чьего-то тяжёлого гулко-го бега по безмолвной деревенской улице мимо нашей халупы. Вслушиваясь в страхе уже наяву в этот топот, я в довершение различила трёхкратный призыв моего имени с нарастающим, будто приближающимся звуком: «Женя, Женя, Женя!»

Томимая каким-то неясным предчувствием, до рассвета я так и не уснула. Люся, естественно, ничего не слышала и крепко проспала всю ночь.

Объяснение, мне кажется, этой моей ночной галлюцинации в далёком колхозном Сернуре пришло позже, когда я в марте 1943 года получила письмо от Юли из Ленинграда, подробности о котором в дневнике ниже – в ту августовскую ночь умирал Гоша.

На уборке сена излюбленной нашей песней, исполнявшейся на два голоса, помню, была:

«Чёрный ворон, что ты вьёшься над моею головой?»

Ты добычи не дождёшься, чёрный ворон, я не твой».

После окончания работы правление колхоза «Коминтерн» Шарнинского с/с Сернурского р-на МАССР снабдило нас справкой «...в том, что таковая в колхозе выработала норму, расчёт мукой произведён не полностью. Прибыла 2/ VIII-42 г., выбыла 12/X-42 г.» Подписи, печать.

(Продолжение в следующем номере).